

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2026.43.29.032

Дифференцированный надзор как элемент уголовно-исполнительной политики условно- досрочного освобождения, на примере США

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматривается современная система пробации и условно-досрочного освобождения в Соединенных Штатах как объект политического регулирования, в котором основной объем исправительного контроля осуществляется в открытой социальной среде. На основе анализа эмпирических данных и законодательных инициатив, на примере США обосновывается необходимость системного сокращения численности спец. контингента (осужденных, находящихся в местах лишения свободы), превышающей в совокупности несколько миллионов человек. В проведенном исследовании выделяются три политических инструмента: законодательное введение лимитов продолжительности сроков надзора, внедрение дифференцированного управления делами на основе подтвержденных оценок рисков и стратегическое перераспределение бюджетных ресурсов через механизмы финансирования, ориентированного на конечный результат. Особое внимание уделяется политико-экономическому аспекту реформы: анализируются фискальные стимулы, заложенные в действующей системе межбюджетных отношений, условия формирования устойчивых политических коалиций в пользу декарцерации. Доказывается, что реализация данных мер требует не только административно-правовых изменений, но и перестройки систем оценки эффективности для всех уровней управления пенитенциарной системы. Показано, что сокращение числа поднадзорных по УДО представляет собой сложную, но достижимую политическую задачу при условии интеграции количественных, оценочных и фискальных рычагов в единую эмпирически обоснованную пенитенциарную стратегию.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Дифференцированный надзор как элемент уголовно-исполнительной политики условно-досрочного освобождения, на примере США // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 259-266. DOI: 10.34670/AR.2026.43.29.032

Ключевые слова

Уголовно-исполнительная политика, пробация, условно-досрочное освобождение, осужденные, поднадзорные лица, политические инструменты, оценка риска, фискальные стимулы, институциональные барьеры, декарцерация, рецидив преступности.

Введение

Современная американская система уголовного правосудия, зачастую отождествляемая в публичном дискурсе с «институтом лишения свободы», представляет собой объект политического регулирования, чьи масштабы раскрываются, в том числе через аппарат пробации и условно-досрочного освобождения. Согласно последним законодательным оценкам, под федеральным надзором находятся более 110 000 человек, тогда как на уровне отдельных штатов совокупное поднадзорное население исчисляется несколькими миллионами – это означает, что основной объем исправительного контроля реализуется не в пенитенциарных учреждениях, а в открытой социальной среде, что ставит перед политиками принципиально иные задачи управления [Kokkalera, Allison, 2024; Phelps, Seligman, 2024; Schiraldi, 2023; Wilson, 2025]. Данный институт общественного надзора, задуманный как способ исправления без изоляции от общества, со временем обернулся чрезмерными расходами бюджета, слабой практической отдачей и созданием порочного круга, когда люди возвращаются в тюремную систему не из-за новых преступлений, а из-за формальных нарушений условий надзора. В этой связи перед разработчиками уголовно-исполнительной политики возникает задача разработки последовательного, эмпирически обоснованного набора политических инструментов. Анализ законодательных и административных стратегий, направленных на достижение данной цели выявляет многомерный подход, существенным образом трансформирующий отношения между государством и поднадзорным субъектом посредством таких механизмов, как ограничения сроков надзора, дифференцированное управление делами на основе оценки рисков и стратегическое перераспределение бюджетных ресурсов, – каждый из которых сопряжен с особыми политическими издержками и институциональными ограничениями [Davis, 2023; Harding, Western, Sandelson, 2022; Phelps, Seligman, 2024; Schiraldi, 2023].

Основная часть

Одним из наиболее прямых политических механизмов, предлагаемых разработчиками для сдерживания роста численности спецконтингента в системе общественного надзора, выступает законодательное введение лимита («потолка срока») продолжительности надзорного периода [Kokkalera, Allison, 2024; Schiraldi, 2023]. Логика, лежащая в основе подобных ограничений, связана с переосмыслением идеи о снижающейся эффективности при продолжительном контроле, которая имеет прямое нормативное и политическое измерение, поскольку она ставит под сомнение легитимность неограниченных дискреционных полномочий надзорных органов. Эмпирические исследования, изучающие взаимосвязь между продолжительностью срока пробации и ее исходами не устанавливают прямой причинно-следственной связи между введением жесткого лимита сроков наблюдения и уровнем рецидива ввиду ограниченности всесторонних научных исследований. Тем не менее, они указывают на отсутствие значимого снижения повторной преступности при увеличенных сроках контроля. Напротив, длительные

периоды надзора коррелируют с повышением вероятности выявления случаев несоблюдения установленных требований, что позволяет предположить, что основным эффектом пролонгированного наблюдения является не столько повышение уровня общественной безопасности, сколько предоставление индивидууму большего числа ситуативных возможностей для технического сбоя, который может повлечь за собой негативные правовые последствия. С политической точки зрения данный феномен создает обширную группу поднадзорных лиц, для которых риск отмены условного срока за незначительные нарушения стремительно возрастает с течением времени – что порождает системное давление на пенитенциарную инфраструктуру и, соответственно, на бюджетные обязательства штатов. Особенно показательным в этом контексте является пример штата Пенсильвания, где отсутствие законодательно установленных лимитов привело к формированию поднадзорного контингента по УДО, численность которого почти на 20% превышает средний общенациональный показатель, а также к ситуации, при которой треть осужденных в данном штате отбывает наказание именно за нарушения условий режима УДО [Phelps, Seligman, 2024].

В ответ на подобное политическое давление отдельные законодательные инициативы, такие как проект Закона о безопасном надзоре, предложенный в США на рассмотрение в 2023 году, стремится кодифицировать ограничения на федеральном уровне, предусматривая системы досрочного прекращения надзора и существенное ограничение возможности отмены условного срока за –административно-технические нарушения, что в совокупности должно вернуть судам дискреционные (зависящие от личного усмотрения) полномочия и способствовать реабилитации поднадзорных лиц в противовес затянувшемуся государственному контролю. Сторонники продолжительных сроков надзора аргументируют свою позицию тем, что подобное регулирование вносит необходимую дисциплину в работу системы, побуждая суды и надзорные органы концентрировать усилия на непосредственном периоде после УДО, когда потенциал для эффективного вмешательства наиболее высок, а не «консервировать» состояние правовой неопределенности, которое может подрывать процессы социальной и трудовой реинтеграции индивида [Davis, 2023]. При этом ключевым политическим вызовом остается обеспечение того, чтобы введение лимитов на сроки надзора по УДО не воспринималось как ослабление позиции правоохранительных органов и не становилось предметом популистской риторики для предвыборных кампаний.

В качестве дополнения к данному прямолинейному инструменту, выступает политический подход, основанный на внедрении стратегий дифференцированного надзора. Эта концептуальная рамка, основанная на принципах доказательной криминологии обосновывает то, что интенсивность и валидность надзорных мероприятий должна быть строго соразмерна индивидуальному уровню риска совершения повторного правонарушения и конкретным криминогенным потребностям поднадзорного [Душкин, Федотова, 2024; Kokkalera, Allison, 2024]. С политической точки зрения данный подход представляет собой фундаментальное изменение регулятивной функции государства: он предполагает, что ограниченные ресурсы надзорных органов должны направляться не на унифицированный контроль всех поднадзорных лиц, а на фокусированное воздействие на наиболее высокорисковые группы осужденных и поднадзорных лиц (пробация).

Концепция данной модели заключается в том, что унифицированный подход, при котором все лица, состоящие на учете (пробация), подчиняются идентичным условиям и частоте отчетности, является не только неэффективным с точки зрения распределения ресурсов, но и

контрпродуктивным с точки зрения достижения целей исправления. Этот тезис имеет прямое политическое следствие: оно обосновывает перераспределение полномочий между инспекторами и централизованными профильными подразделениями. Применение валидированных инструментов оценки рисков и потребностей, таких как используемый в западной пенитенциарной науке опросник Level of Service Inventory – Revised, позволяет юрисдикциям объективно классифицировать индивидуумов по отдельным надзорным категориям, стратифицируя их по степени потенциальной опасности для социума [Ostermann, Herrschaft, 2023; Simourd, 2004].

Реализация этой модели предполагает, что поднадзорные лица с минимальным потенциалом риска могут быть переведены на сниженный режим надзора, который часто включает в себя отчетность по почте, телефонные проверки или использование электронных систем удаленного мониторинга, вместо личных встреч с инспектором, что высвобождает значительные массивы служебного времени сотрудников пробации. В качестве иллюстративного примера можно привести опыт округа Трэвис в штате Техасе, где внедрение централизованного профильного подразделения позволило оптимизировать процесс приема дел и разработать матрицу классификации, которая сопоставляет показатели риска и потребностей, определяя лиц с минимальным риском в отдельную категорию с минимальными требованиями к контакту со службой надзора, тогда как ресурсоемкий, интенсивный надзор, включающий частые проверки на месте и внезапные визиты, сохраняется для категории с более высокими показателями риска [<https://www.researchgate.net/publication/>].

С политической точки зрения ключевое преимущество дифференцированного подхода состоит в том, что за счет сокращения административной нагрузки, связанного с обслуживанием низкорисковых подопечных, структурных пенитенциарных подразделения могут перераспределить дефицитные ресурсы для фокусированного воздействия на поднадзорных из группы высокого риска. Такое стратегическое перераспределение не только количественно снижает общее число лиц, подвергающихся обременительному и навязчивому активному надзору, но и непосредственно решает проблему перегруженности инспекторов, которые в ряде юрисдикций вынуждены одновременно вести более 150 дел, что делает практически невозможным какой-либо содержательный контакт [Davis, 2023; Harding, Western, Sandelson, 2022; Phelps, Seligman, 2024; Schiraldi, 2023]. Снижение нагрузки на сотрудников является основополагающим условием для внедрения эффективного, основанного на межличностном взаимодействии надзора, который, согласно исследованиям, выступает существенным фактором, способствующим изменению преступного поведения и снижению рецидива. Таким образом, руководствуясь «принципом риска», дифференцированный надзор трансформирует миссию пробации от простого наблюдения и сбора информации к целенаправленному управлению рисками – но при этом он требует от законодателя принятия непростых решений о том, какие именно инструменты оценки (степень потенциальной опасности) считать валидными и как обеспечить их унифицированное применение в условиях децентрализованной системы уголовной юстиции США.

Однако эффективность как вышепоименованных ограничений, так и дифференцированного подхода к ведению дел поднадзорных лиц оказывается неразрывно связанной с третьим критическим компонентом, а именно с переориентацией фискальных стимулов и изменением структуры бюджетного финансирования. Существующая финансовая системы уголовной юстиции традиционно создает стимулы, которые закрепляют сложившееся положение дел и

мешают уменьшению масштабов контроля, так как экономическая мотивация здесь зачастую расходится с провозглашенными задачами преобразований. Примером подобного дисбаланса является ситуация, когда непосредственные операционные расходы на содержание поднадзорных лиц в системе пробации ложатся на бюджеты округов, тогда как гораздо более значительные затраты, связанные с отменой условного срока и последующим лишением свободы, относятся на счет бюджетов штатов, что создает для округов финансовый стимул направлять нарушителей в пенитенциарные учреждения, перекладывая бремя на вышестоящий уровень. Этот структурный разрыв представляет собой классический случай «проблемы принципала–агента» на межбюджетном уровне, и его преодоление требует политической воли для изменения правил распределения бюджетных потоков финансирования пенитенциарной системы США.

Стратегическое перераспределение бюджетов финансирования пенитенциарных учреждений действует на двух уровнях одновременно: в краткосрочной перспективе оно сокращает расходы на содержание обременительной системы надзора, а в долгосрочной создает условия для устойчивого снижения численности поднадзорных лиц за счет профилактики основных «возбудителей» криминального поведения.

Между тем внедрение ограничений на сроки надзора без сопутствующего выделения средств на альтернативные программы может привести лишь к тому, что лица, освобожденные от надзора, останутся без необходимой им поддержки, что снижает потенциальный эффект для общественной безопасности и создает политический риск снижения продуктивности реформы в случае резонансных инцидентов. Аналогичным образом, попытка внедрить сложную систему дифференцированной оценки рисков без финансирования, ориентированного на результат, обречена на провал, поскольку службы пробации, испытывающие хроническую нехватку средств, не смогут должным образом подготовить персонал, приобрести программное обеспечение и обеспечить мониторинг за применением инструментов оценки.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что внедрение дифференцированного подхода в значительной степени детерминирован организационными трансформациями внутри самих пенитенциарных учреждений. Традиционная политическая ориентация агентств пробации и условно-досрочного освобождения в США на протяжении десятилетий формировалась под доминирующим влиянием парадигмы правоохранительного надзора и контроля, в рамках которой ключевым показателем эффективности выступало количество выявленных нарушений и возвращенных в пенитенциарные учреждения лиц. Такая парадигма создает институциональные ограничения для внедрения дифференцированного подхода, поскольку она стимулирует пенитенциарных сотрудников и инспекторов сосредотачиваться на незначительных административно-технических отклонениях (формальных нарушениях условий надзора), а не на долгосрочных результатах реабилитации. С политической точки зрения это означает, что любая реформа должна сопровождаться изменением систем оценки служебной деятельности на уровне отдельных сотрудников и структурных подразделений, где ключевыми метриками становятся не количество нарушений, а показатели занятости, завершения реабилитационных программ и устойчивого снижения рецидивов.

Введение ограничения численности поднадзорного контингента и переход к дифференцированному контролю представляют собой практическую имплементацию принципа

точечного вмешательства, согласно которому степень принуждения должна быть настолько велика, насколько это необходимо для защиты общества. Задача сокращения числа поднадзорных лиц, на примере Соединенных Штатах является сложной, но политически достижимой.

Библиография

1. Бабаев, М. М. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 136-148. – DOI 10.21638/spbu14.2019.110.
2. Душкин, А. С., Федотова, Е. С. (2024). Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Российский девиантологический журнал, 4 (1), 45–61. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61
3. Кикоть-Глухodedова, Т. В. Пенитенциарная система Соединенных Штатов Америки / Т. В. Кикоть-Глухodedова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 1. – С. 29-32.
4. Ковалев, О. Г. Пенитенциарная система США: особенности организации и современные тенденции / О. Г. Ковалев, М. В. Шереметьева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 4. – С. 19-22.
5. Скобелева, О. О. История развития пенитенциарной системы США / О. О. Скобелева, А. С. Любаев // Юридическая наука и практика : Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара, 22 февраля 2018 года. Том 6. Часть 1. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 279-281.
6. Смирнов, О. А. Обобщение опыта США имплементации концепции восстановительного правосудия в пенитенциарной системе: аспекты применения системы образования / О. А. Смирнов, А. В. Новиков, Д. Н. Слабая // Педагогический журнал. – 2024. – Т. 14, № 4-1. – С. 65-72.
7. Смирнов, О. А. Экономические принципы реформирования пенитенциарной системы США: аспекты реализации программ сокращения рецидивизма / О. А. Смирнов, А. В. Новиков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. Т. 15, № 3-1. – С. 400-408.
8. Тарасова, И. А. Из истории развития пенитенциарной системы США / И. А. Тарасова // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Старотеряево, 12 апреля 2024 года. – Старотеряево: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. – С. 198-201.
9. Clisbee K. California prison reentry service providers' views on rehabilitation and its impact on recidivism : дис. – Walden University, 2025.
10. Davis B. R. State Incarceration Policy in the US Federal System: Assessing Recent Approaches to Reducing Incarceration Rates //Publius: The Journal of Federalism. – 2023. – Т. 53. – №. 3. – С. 484-510.
11. Harding D. J., Western B., Sandelson J. A. From supervision to opportunity: Reimagining probation and parole //The ANNALS of the American academy of political and social science. – 2022. – Т. 701. – №. 1. – С. 8-25.
12. Joseph B., Shilpa M. L. A Legal Framework of Probation of Offenders in India: An Analysis with Special Reference to Australia and the USA //Comparative Law: Unraveling Global Legal Systems. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2024. – С. 139-159.
13. Kayange F. M. M., Bahadur B. Interpersonal Violence in Correctional Facilities in Malawi: Implications for Rehabilitation and Social Reintegration //Victims & Offenders. – 2026. – С. 1-28.
14. Kokkalera S. S., Allison A. M. The (not so) united states of parole: A state-of-the-art review of discretionary release for individuals serving life. – 2024.
15. Phelps M. S., Seligman E. Probation and the shadow carceral state: Legal envisioning from Minnesota //Theoretical criminology. – 2024. – Т. 28. – №. 4. – С. 476-494.
16. Rigby D. et al. State-level changes in racial disparities in probation and parole rates in the United States, 2001-2018 // American journal of epidemiology. – 2025. – Т. 194. – №. 11. – С. 3091-3098.
17. Schiraldi V. Mass supervision: Probation, parole, and the illusion of safety and freedom. – The New Press, 2023.
18. Wilson A. Probation and parole revocations: Reviewing over two decades of revocation decisions in the United States // Criminal Justice Review. – 2025. – Т. 50. – №. 1. – С. 26-52.

Differentiated Supervision as an Element of the Penal Policy of Parole: The Case Study of the USA

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,

Professor;

Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);

Chief Researcher,

Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,

125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;

Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,

Astrakhan State University,

414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material examines the modern system of probation and parole in the United States as an object of political regulation, in which the main volume of correctional control is carried out in an open social environment. Based on the analysis of empirical data and legislative initiatives, using the example of the USA, the necessity of a systematic reduction in the number of the special contingent (convicts held in places of deprivation of liberty), exceeding several million people in total, is substantiated. The conducted research identifies three political instruments: the legislative introduction of limits on the duration of supervision terms, the implementation of differentiated case management based on validated risk assessments, and the strategic reallocation of budgetary resources through performance-oriented financing mechanisms. Special attention is paid to the political and economic aspect of the reform: the fiscal incentives embedded in the current system of interbudgetary relations and the conditions for forming stable political coalitions in favor of decarceration are analyzed. It is proved that the implementation of these measures requires not only administrative and legal changes but also a restructuring of performance evaluation systems for all levels of penitentiary system management. It is shown that reducing the number of parolees under supervision represents a complex but achievable political task, provided that quantitative, evaluative, and fiscal levers are integrated into a single empirically grounded penitentiary strategy.

For citation

Novikov A.V. (2026) *Differentsirovanny nadzor kak element ugovno-ispolnitel'noy politiki i uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya, na primere SShA* [Differentiated Supervision as an Element of the Penal Policy of Parole: The Case Study of the USA]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 259-266. DOI: 10.34670/AR.2026.43.29.032

Keywords

Penal policy, probation, parole, convicts, persons under supervision, political instruments, risk assessment, fiscal incentives, institutional barriers, decarceration, recidivism of crime.

References

1. Babaev, M. M. Fenomen riska v kontekste profilakticheskoy politiki (kriminal'naya riskologiya) / M. M. Babaev, Yu. E. Pudovochkin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2019. – T. 10, № 1. – S. 136-148. – DOI 10.21638/spbu14.2019.110.
2. Dushkin, A. S., Fedotova, E. S. (2024). Ocenka riska soversheniya prestuplenij licami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody. Rossijskij deviantologicheskij zhurnal, 4 (1), 45–61. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61
3. Kikot'-Gluhodedova, T. V. Penitenciamaya sistema Soedinennyh Shtatov Ameriki / T. V. Kikot'-Gluhodedova // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. – 2016. – № 1. – S. 29-32.
4. Kovalev, O. G. Penitenciamaya sistema SShA: osobennosti organizacii i sovremennye tendencii / O. G. Kovalev, M. V. Sheremet'eva // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. – 2013. – № 4. – S. 19-22.
5. Skobeleva, O. O. Istoriya razvitiya penitenciamoj sistemy SShA / O. O. Skobeleva, A. S. Lyubaev // Yuridicheskaya nauka i praktika : Al'manah nauchnyh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii, Samara, 22 fevralya 2018 goda. Tom 6. Chast' 1. – Samara: Samarskij yuridicheskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2018. S. 279-281.
6. Smimov, O. A. Obobshchenie opyta SShA implementacii koncepcii vosstanovitel'nogo pravosudiya v penitenciamoj sisteme: aspekty primeneniya sistemy obrazovaniya / O. A. Smimov, A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Pedagogicheskij zhurnal. – 2024. – T. 14, № 4-1. – S. 65-72.
7. Smimov, O. A. Ekonomicheskie principy reformirovaniya penitenciamoj sistemy SShA: aspekty realizacii programm sokrashcheniya recidivizma / O. A. Smimov, A. V. Novikov // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2025. – T. 15, № 3-1. – S. 400-408.
8. Tarasova, I. A. Iz istorii razvitiya penitenciamoj sistemy SShA / I. A. Tarasova // Pravo, obshchestvo, gosudarstvo: problemy istorii, teorii i praktiki : sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Staroteryaevu, 12 aprelya 2024 goda. – Staroteryaevu: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikoty, 2024. – S. 198-201.
9. Clisbee K. California prison reentry service providers' views on rehabilitation and its impact on recidivism : dis. – Walden University, 2025.
10. Davis B. R. State Incarceration Policy in the US Federal System: Assessing Recent Approaches to Reducing Incarceration Rates //Publius: The Journal of Federalism. – 2023. – T. 53. – №. 3. – S. 484-510.
11. Harding D. J., Western B., Sandelson J. A. From supervision to opportunity: Reimagining probation and parole //The ANNALS of the American academy of political and social science. – 2022. – T. 701. – №. 1. – S. 8-25.
12. Joseph B., Shilpa M. L. A Legal Framework of Probation of Offenders in India: An Analysis with Special Reference to Australia and the USA //Comparative Law: Unraveling Global Legal Systems. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2024. – S. 139-159.
13. Kayange F. M. M., Bahadur B. Interpersonal Violence in Correctional Facilities in Malawi: Implications for Rehabilitation and Social Reintegration //Victims & Offenders. – 2026. – S. 1-28.
14. Kokkalera S. S., Allison A. M. The (not so) united states of parole: A state-of-the-art review of discretionary release for individuals serving life. – 2024.
15. Phelps M. S., Seligman E. Probation and the shadow carceral state: Legal envisioning from Minnesota //Theoretical criminology. – 2024. – T. 28. – №. 4. – S. 476-494.
16. Rigby D. et al. State-level changes in racial disparities in probation and parole rates in the United States, 2001-2018 // American journal of epidemiology. – 2025. – T. 194. – №. 11. – S. 3091-3098.
17. Schiraldi V. Mass supervision: Probation, parole, and the illusion of safety and freedom. – The New Press, 2023.
18. Wilson A. Probation and parole revocations: Reviewing over two decades of revocation decisions in the United States // Criminal Justice Review. – 2025. – T. 50. – №. 1. – S. 26-52.